

Сергей Стасенко

ФОНАРЬ

Повесть

Жар. Невыносимый!

Ничего не вижу. Вокруг темнота. Чувствую пустоту.

Жар спал. Первое, что понял — я маленький. Низкий. Есть руки! И ноги. Правда... Не пойму... Ходить не могу.

Я слышу свой крик...

* * *

Проснулся. Не могу сказать, что было до сна, а что — после. Ничего не было. Помню только яркую вспышку.

Вижу перед собой туманную улицу. Внизу очень высоко. Каменная дорога. Глядя на дорогу, понял, что я высокий. Вижу свою длинную ногу. Черного цвета. Она одна. Шевелиться не могу. Внутри горячо. Это свеча горит. Рук не чувствую. Их нет. Внизу появились фигуры. Люди. Подошли ко мне. Это дети.

— Васька, а Васька! А ты знаешь, что вчера в этот фонарь молния ударила?

— Правда?

— Да так шарахнула, что искры на целую версту летели. Гляди на него. Он даже покосился немного.

— И правда. Диво.

Как же? Что это? Эти мальчишки говорят, что я фонарь?... Как такое может быть? Ведь раньше я был... А кем я был? Не помню.

Один из мальчишков продолжил:

— Давно в Петербурге не было такой грозы.

— Как же давно?! А на той недели?

— Молний не было.

Я в Петербурге. Откуда я знаю этот город?

Стой, стой, стой. Постой! Быть не может. Не понимаю. Не знаю. Не помню... Это наверно сон. Ну да! Нельзя в реальности стать фонарем. Ах, как жарко! Свеча все жарит. Как же она жарит! Она внутри моей головы.

Дети ушли. Надо было их дослушать. А я... Нет, нет, нет! Сейчас все пройдет. Сейчас я проснусь и окажусь... А где окажусь? Не знаю. Нет! Во сне всегда так. Ты не знаешь, кто ты, а потом просыпаешься и все хорошо!

* * *

Прошло несколько недель. Не проснулся. Стал привыкать к своей безмолвной жизни. Никак не понимал, почему не помню, что было раньше.

Я не чувствую рук. Их нет. Ног нет. Одна длинная такая. Постоянно горячо от свечи. Могу только мыслить.

Стою на одной улице. Одной маленькой улице. Никому невдомек, что у меня есть душа. Злюсь, когда на меня клеят объявления о продаже двух пудов картошки. Радуюсь, если целый день греет солнце. Плачу, когда идет дождь. Мерзну в стужу и вьюгу.

Постепенно привыкаю, что никто не понимает моего существования. Это неспроста. Всему будет объяснение. Я не сойду с ума. Клянусь, что не сойду! Эти дикие животные. Почему они постоянно под меня писают? Отойди, гад, в подворотню и испражнись под Денисыча (это я так про себя прозвал старый дуб). Так нет же. Свет нужен! После — привык. Все же носа у меня нет, чтоб нюхать зловоние.

Денисыч заговорил со мной через несколько дней. И я понял, что не схожу с ума и это не вечный кошмар. Мне все-таки стало легче. Денисыч рассказал, что такое бывает. С ним это было. Яркая вспышка. И тут раз! Стоит себе дуб дубом.

Он не говорил, что было и что будет.

Размышлять мне долго не пришлось.

* * *

Начало моей новой жизни на улице выдалось насыщенным. Первый год — убили царя Александра II. Второй — застрелили генерал-губернатора. Все на моем глазу. Он-то у меня один.

Я не понимал хорошо это или плохо. Просто под меня постоянно прибегал глашатай и громко кричал.

Но это еще что! В третий год наступило наихудшее! Хуже для жизни фонаря и быть не может. Это такой позор... Меня перекрасили. Перекрасил меня мальчишка. А цвет! Цвет — розовый. Это позор. Вы нигде не найдете розовых фонарей. С меня долго смеялся Денисич. Фонарь должен быть черным! На худой конец — металл. А здесь — розовый...

Как дело было?

Пришел, значит, этот малец. И главное, не один. Со свитой. Из кареты вылез. Вокруг него две няньки. Какие-то дядьки высокие. Все с усами. Один в черном сюртуке, длиннее остальных, приговаривал:

— Ваше Императорское Высочество! Николай Александрович! Извольте слушаться! Прекратите бегать. Зачем вам эта краска?

— Не будь занудой, Афанасий! — мальчуган ловко вытащил из кареты банку с краской, выхватил кисточку из рук какой-то симпатичной

барышни и бросился ко мне. — Давеча катались с Жоржем на вороных. Заметил, что все фонари в столице черные! Экая глупость. Хочу розовые. Немедленно папеньке об этом скажу, а сейчас сам позабочусь о покраске. Хочешь сделать хорошо, сделай сам!

Мальчишка подскочил к моей ножке, опустил по самый край огромную кисточку и принялся водить в разные стороны. Я изо всех сил пытался увернуться. Но ведь я недвижимый! Люди! Были бы у меня слезы, они в тот самый час полились бы на голову этому мальчишке. Розовая краска так гладко ложилась на мой столб... Это катастрофа. Теперь я и фонарем переставал быть! Фонариха какая-то, что ли?!

Малец схватил стремянку и принялся окрашивать мой второй метр...

— Цесаревич, ну разве вам нужно весь этот несчастный фонарь окрашивать? — голосила симпатичная барышня, она все крутилась вокруг свисающего мальчугана, видать боясь, что рухнет. — Я вынуждена немедленно доложить о вашем поведении Великой Княжне.

— Маменька сама говорила, что Петербург больно хмурый. Благородный, но хмурый. Пора вносить новшества. Аннушка, вы б лучше не крутились под ногами, а то рухну ненароком. С вашими слабенькими ручонками только веером

махать, а не мальчиков ловить.

— Ка-ак! — у барышни выступили слезинки на глазах, она немедленно отскочила от мальчишки, на ее смену пришел высокий усач.

— Николай Александрович, слезайте. Молим вас! — в этот момент я молил, чтоб пошел дождь на мою фонарную голову.

Может это его прогонит?

— Афанасий! — мальчишка уже перешел к моему третьему метру. — Как же я слезу? Фонарь-то еще не облагорожен. Так не годиться!

Издевательство продолжилось. Вскоре послышались крики. Роскошная карета резко остановилась у этого действия. Оттуда вышла тонкая дама, не дожидаясь пока дверцу кареты откроют слуги. Узкие черты лица, бежевое платье в пол, красивый головной убор... Красавица одним словом. Но, что я об этом! Мальчуган все красил.

— Ники, изволь немедленно слезать!

— О, тапан! Я тут порядок навожу. Город облагораживаю.

— Мария Феодоровна, Его Императорское Высочество...

— Ах, бросьте, Афанасий. Все я знаю. Ники! Если ты не слезешь, то будешь сидеть взаперти целую неделю. И на сей раз не жди заступительства Афанасия и Аннушки. Слезай!

— Но, тапан! Фонарь ведь некрасивый!

— Не тебе решать судьбу фонаря. Афанасий, голубчик, не стой столбом. Помоги Ники слезть.

— Не слезу пока голову не окрашу.

— Афанасий, мне лезть за ним? — возмущалась княжна.

— Простите, Мария Феодоровна, сию минуту. Николай Александрович, я иду за вами. Не обессудьте!

Препирательства продолжались еще минут двадцать. За это время малец успел таки закрасить половину моей головы. Теперь, когда солнце попадало на меня, я видел жизнь в розовом цвете!

Все закончилось. Кареты разъехались. Я понуро глядел перед собой и еще долго бранился. Денисыч из подворотни не выдержал, прикрикнул:

— Ну ты, стальная башка, хорош ругаться! Тебя сам наследник престола красил, а ты нюни пускаешь. Замолчи!

Это произвело впечатление. Я понятия не имел, что такое «наследник престола», зачем он меня красил, и что в этом такого особенного...

Но меня впечатлил вид этих господ, мальчишки и той дворянского вида дамы. Подожди! Откуда взялось это слово в моей голове: «дворянской»? Что-то замелькало перед глазами, но я не успел уловить образы. Дивно.

Однако на следующий день я был даже благодарен этому мальчику. Он изменил меня, тем

самым закрасив картинки, которые впоследствии мелькали перед моим глазом.

* * *

Я стал постоянным местом встреч. Ах, если бы встречи были приятными! Отнюдь. Подо мной собирались очень дивные люди. Не скажу, что они противные, однако всегда были одеты в пасмурную одежду, кепки натянуты не то, что на глаза. Нет! На нос. Говорили всегда тихо. Беззвучно. Иногда доносились обрывки фраз:

— ...Из Москвы принимаем партию динамита на следующей неделе...

— ...Акцию подготовили. Давеча действующий статский советник будет париться в баньке на Матисовом острове. Вы придете на место без четверти семь. Так уговорено. Зайдете в зал. Произнесете пять слов: «Приветствую вас от светлого батюшки». Это пароль. Вам ответят: «Благодарю за оказанную честь». Лысый банщик — обязательно лысый, не спутайте — выдаст вам ключ. Пока неизвестно, какая комната. На ключе будет номерок. Вы должны в ту же минуту занести этот сверток в баню. Время до взрыва — полчаса. После этого, немедленно ни минуты, удаляйтесь черным ходом...

Встречи всегда были короткими. Люди

боялись каких-то «филеров». Часто называли их легавыми или того хуже.

Свечу в моей голове зажигали под вечер, поэтому я мог все прекрасно видеть.

Разговоры «пасмурных» людей мне не нравились. Как правило, после них на утро глашатай оглашал какую-нибудь печальную весть, раздавая направо и налево газеты:

— Нигилисты вновь учинили теракт! Убит действующий статский советник! Император оглашает войну террору!

Мне было тревожно. Я, конечно, предмет не живой, но почему у меня всегда ощущение, что это случайность?

Я пытался заговорить об этом с Денисычем, но он или молчал, или сопел и приговаривал, чтоб я отцепился.

Люди становились более подозрительными и ходили по моей улице реже. А вечером и вовсе никого не было.

Так я понял, что как бы я не радовался той штуке, которая светит на меня целый день сквозь розовый цвет, она так не влияет на остальных людей.

* * *

Вскоре подо мной перестали обсуждать

нехорошие вещи. Я так понял, что эти люди с красивой речью, шальными уставшими глазами и были теми самыми «нигилистами», о которых часто вещал глашатай.

Они пропали. Появились филеры. Много лет подряд один и тот же филер стоял подо мной. Денисич говорил, что он «дежурил». Черт его знает, что это значит, но мне так было спокойнее.

Несколько светлых лет. И не потому, что я все еще видел Петербург в розовом цвете, радовался яркому светилу. Со мной ничего не происходило. И я даже немного заскучал.

Филер состарился и умер. Кстати, прямо подо мной. Он все стоял, рассматривая свои башмаки. Внезапно вскрикнул и рухнул. Мне было его жаль. Этого старика. Стариком он стал как раз подо мной. Частенько жаловался, что стоит здесь вот уже четвертый год, а попросить повисить жалованье или хотя бы на другой участок переставить — стесняется. Дивный он был. Никогда не смотрел мне в глаз.

Однажды перед нами — ну мной и филером — воришка выхватил сумку у одной барышни. Старик засвистел, стал догонять, воришка остановился, бросился на него, повалил с ног и убежал. Филер поднялся, сплюнул и вернулся. После этого случая больше ни на кого не бросался, и вообще замолчал. Дивный он. Думаю —

несчастный. Я видел много несчастных людей.

После того как филер умер, я понял, что в отличии от меня **люди не могут радоваться простым вещам. Видимо, потому что они могут двигаться, а я — нет.**

* * *

Вскоре подо мной стали собираться довольно яркие барышни. Денисыч звал их «путанами». Так и приговаривал:

— Завидую я тебе, башка стальная. Подо мною только псы с котами гадят, а возле тебя вон какие красотки пасутся. Эх, был бы человеком из их убежищ не вылезал бы. А человеком был я. В прошлой жизни. Только вот беды много наделал. Теперь век мучатся здесь. С тобою. Ты, видать, тоже накуролесил. В неживые предметы редко превра... — он прервался. — Ах, нельзя говорить. Ладно. Получай удовольствие, болван!

Он был человеком, оказывается! А может и я был? Но почему ничего не помню? Проклятье! Хотя нет! Постой. Какое-то видение возникло перед глазами. Явственное. Первый раз я умудрился ухватиться за что-то конкретное. Вокруг много дыма. Хлопки. Это не хлопки! Взрывы! Я могу двигаться. Я вижу перед собой свои руки, ноги. Новый хлопок. Но... одной ноги не стало. Я

беззвучно кричу. Ко мне подбегает человека. Кажется, он одет так же как и я. Я человек! Видение прервалось.

Я долго размышлял, что это было. Видимо, прав Денисыч. Я в прошлой жизни что-то натворил, поэтому в этой стал фонарем, чтоб больше ничего не мог делать. А как быть с этим видением? Почему оно все время стоит у меня перед глазами? Это сложно...

Мои мысли прервал смех. Это новая дамочка подошла под меня весело ворковать с шатающимся господином в цилиндре.

Денисыч был грубым. А эти дамочки — нет. К ним частенько приходили разные мужчины. Кто из кареты в красивом сюртуке, кто победнее в пошарпанных башмаках и рваных штанах. Но все сияли, когда приближались к дамам. А уж барышни... Эх! Может и прав Денисыч.

Однажды один мужчина, покачиваясь, подошел к путане. Что-то долго говорил. Стал браниться и ударил ее наотмашь. Потом сорвал одежду. Она кричала, плакала. Однако умудрилась убежать.

С того самого дня путан не стало. Опять дежурил филер. Другой.

Я был молчаливым наблюдателем этой сцены. И в мою голову со свечой внутри пришла мысль. **Оказывается, люди не только могут сами**

умирать. Они причиняют боль друг другу.

Жизнь стала размеренной. Ненадолго.

* * *

Однажды приехали люди. Это были мужчины. Все довольно крепкие. На веселе. Они схватили какие-то длинные острые предметы. Заговорили ужасные вещи:

— Филипыч, ну давай поживее. Нам через час нужно быть на Адмиралтейской.

— Так уж скажешь — «поживее»! Скакнула бы тебе на ногу этим утром Варька, знал бы, как это — «поживее». Прости Господи! — мужичок неуклюже перекрестился и зацепил за меня веревку.

Второй в этот момент рассмеялся:

— Ты чего это, Степан Филипыч? Свою Варьку присмирить не можешь? Вот моя Феодора только ласково со мной разговаривает. А как бранится начинает, если я в таверне засиживаюсь, так как-то мягко говорит. Вроде не я, а она виновата. Молвит: «Эрастушка, не ходи больше ты в эту таверну. Давеча Климку Вяземского порезали. Не ходи, голубчик!». Видишь, как оно...

— Ну ты уж не в свое дело-то не лезь, Эрастушка. Давай резать его поскорее.

Я увидел в руках этого «Эрастушки» что-то тяжелое. Он, видимо, хочет меня бить! Они надели

на головы шлемы.

Услыхал крик Денисыча. Старый дуб:

— Ну, стальная башка, жить будешь! А я уж тут устал стоять!

Треск. Ветки полетели наземь. Денисыч с жутким криком свалился прямо на двух мужиков. Тросы порвались. Послышались крики.

— Да что ж это такое делается?! Помогите, помогите!

В округе все заметались. Двое людей были ранены. Филипыч, с раздробленной головой, приговаривал:

— Как же теперь я это? Больно...

Их забрали. К вечеру все разошлись. А мне стало очень грустно. Я никогда не любил Денисыча. Но теперь мне и поговорить не с кем. А он меня спас...

В моей голове возникло слово «дружба». Но не просто возникло. Что-то снова замелькало перед глазами. Какая-то сцена. Стойте! Я ее уже видел. Снова это поле, хлопки вокруг, дым, моя нога, которой не стало через мгновение и... меня кто-то тащит. Тащит человек. Я ухватился за эту картину. Только бы не пропала! Вижу! Вижу! Не пропала. Человек тащит меня в какое-то укрытие. Под дерево. Он кричит: «Сестра! Сестра!». Подбежала девушка с красным крестом на лбу. Они что-то делали, а мужчина, тащивший меня, приговаривал: